

УДК 821.133.1-053.6
ББК 84(4Фра)-44
П71

Programme
A Pushkin

Издание осуществлено в рамках Программ содействия издательскому делу при поддержке Французского института
Cet ouvrage a bénéficié du soutien des Programmes d'aide à la publication de l'Institut français

Прево, Гийом.

П71 Книга времени : Т. 1 : Последний дар жреца : [для сред. и ст. шк. возр. : 12+] / Гийом Прево; пер. с французского Иры Филипповой. — М. : КомпасГид, 2019. — 344 с.

ISBN 978-5-00083-595-1

Отец Сэма Фолкнера часто путешествует в поисках старинных редких книг. Но еще ни разу он не пропал так надолго — и никогда не забывал поздравить сына с днем рождения! Случилось неладное, чувствует Сэм, и на свое четырнадцатилетие спешит не к друзьям, а в антикварный магазин отца. Там он находит потайную комнату, а в ней — странную книгу, камень с резным узором и чужеземную монетку.

Сэм прикладывает монету к камню — и оказывается на острове, который осаждают викинги... Что это: галлюцинация, реконструкция или ловкий фокус?.. Раздумывать некогда — нужно действовать! Сэм чудом спасается — только чтобы попасть в новую передрагу в разгар Первой мировой войны, затем очнуться в древнеегипетской пирамиде... Узнает ли когда-нибудь Сэм о судьбе отца и найдет ли способ вернуться домой?

Французский писатель Гийом Прево (родился в 1964 году) по профессии историк и до того, как заняться литературным творчеством, написал несколько научных исследований и работал на телеканале Histoire. В трилогии «Книга времени» он соединяет фантастику с историческим романом — и результатом становится увлекательнейшее приключение!

УДК 821.133.1-053.6

ББК 84(4Фра)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Originally published as *Le livre du temps. Vol. 1. La pierre sculptée*
by Guillaume Prévost

© Éditions Gallimard Jeunesse, 2008

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.

ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

ISBN 978-5-00083-595-1

Посвящается Шарлю и Полин

1

СЭМЮЕЛ

Сэмюел со стоном рухнул обратно на кровать: как же неохота куда-то идти! Покосился на приоткрытую спортивную сумку, стоящую у него в ногах: оттуда выглядывал рукав кимоно и как будто бы приговаривал назойливо: «Поторапливайся, Сэм, сегодня соревнование!» Ну да, сегодня, в этом-то и проблема. И не просто соревнование, а «Турнир среди спортсменов 14—16 лет, всех весовых категорий». Дьявольская затея, плод больного воображения людей, не имеющих ни малейшего представления о спорте, ведь теперь Сэму наверняка достанется противник на пятнадцать сантиметров выше его и на двадцать килограммов тяжелее. Всю жизнь мечтал попасть в лапы к какому-нибудь жиртресту — например, к Монку, — чтобы закончить бой лежа

на земле, придушенным его огромной задницей. Пожалуйста, только не сегодня. Только не в свой собственный день рождения!

— Сэмми, куда ты там пропал? — послышался нетерпеливый окрик снизу. — Опоздаешь на автобус!

— Сейчас, бабуль, спускаюсь!

Но вместо того чтобы спуститься, Сэм еще глубже зарылся в подушку. Из соседней комнаты доносились возбужденные завывания истеричной певицы. Она самозабвенно восторгалась красотой какого-то типа, которого встретила на пляже:

Какой ты классный,
Какой красивый,
И как опасен
Твой взгляд игривый!
О мальчик с пля-а-а-а-жа!

Вот ведь убожество.

Источник шума — двоюродная сестра Сэма, Лили. У нее по утрам в субботу нет других дел, кроме как собрать у себя в комнате подружек и часами болтать под аккомпанемент тошнотворно-сладкой музыки. Правда, следовало войти в положение Лили: ей было всего двенадцать (ну то есть переходный возраст),

и к тому же субботние сборища, видимо, помогали ей пережить долгие разлуки с матерью. Мать давно растила ее одна, но несколько месяцев назад завела себе жениха и теперь моталась за ним по разным странам. Лили была ужасно противная, особенно по отношению к Сэму, — и что же он мог с этим поделать, если они оба жили у дедушки и бабушки? Лили смеялась над другими людьми, особенно когда разговор заходил на скользкую тему школьных оценок. Сама-то она демонстрировала невероятные успехи в школе (подобных успехов никак не ждешь от человека, который слушает такую тупую музыку), каждый день приносила еще больше пятерок, чем накануне, а в конце года заграбастывала себе все мыслимые призы и награды. Просто необъяснимо!

Ты для меня так ва-а-а-жен,
О-о мальчик с пля-а-а-а-жа!

— Сэмми! Уже почти десять!

Сэмюел вздохнул и как можно сильнее пихнул сумку ногой. Нет, ну надо же: весь мир им недоволен.

Он спрыгнул с постели, не расшнуровывая натянул кроссовки и с тяжелым вздохом распахнул дверь. И конечно же, именно в этот момент Лили с подружками тоже высыпали в коридор. Выстроились в ряд,

как почетный караул, и глупо хихикали, стоя в своих красных, розовых и оранжевых майках, едва прикрывающих пупок.

— Сэмми, ты пластырь не забыл? — спросила сестра с притворной заботливостью. — А мазь от синяков? А то опять вернешься домой избитый, мой дорогой братик. Помнишь, как было в прошлый раз?

В прошлый раз Сэмюела на 43-й секунде боя придавило огромным пузом жирного Монка. Очень неприятное воспоминание. Лодыжка тогда вывернулась так, что даже смотреть на нее было жутко. Месяц без скейта.

— Попытайся хоть первый раунд продержаться, — добавила Лили, прыская от смеха. — Кто знает, вдруг повезет?

— Спасибо за совет, — ответил он. — А если встречу мальчика с пляжа, дам ему твою фотографию, обещаю. Кто знает, вдруг повезет?

Он в несколько шагов перемахнул через ступеньки, не обращая внимания на хохот за спиной. Внизу его ждала бабушка с аккуратным бумажным пакетом в руках.

— Сэмми, ну что это такое! Провалишь турнир! А ведь ты так любишь дзюдо! Ты не заболел?

Она беспокойно потрянула своими белоснежными, почти голубыми кудряшками.

— Всё в порядке, бабуль, просто надо было немного размяться. Папа случайно не звонил?

Бабушка растерянно отвела взгляд.

— Нет, мой хороший, не звонил. Может, ближе к обеду...

— Если позвонит, попросишь, чтобы он меня забрал после дзюдо?

— Да, конечно.

Но энтузиазма в ее голосе было примерно столько же, как если бы он поинтересовался, каковы шансы того, что к ним зайдет пообедать Том Круз.

— Держи, я сделала бутерброды. Беги скорее, а то совсем опоздаешь. И будь осторожен, пожалуйста, а не как в прошлом году.

Сэмюел прикусил язык, чтобы не сморозить какую-нибудь грубость. Поцеловал бабушку, подхватил скейт и вышел из дома.

Усевшись на заднее сиденье автобуса, Сэм стал смотреть в окно на крохотные одинаковые домики, пробегавшие мимо, — каждый домик всё ближе и ближе к центру города. Отец не выходил на связь уже целых десять дней... Ни посланий по электронной почте, ни звонков, ни открыток. Такое с ним случилось не в первый раз, но всё равно... Десять дней!

В семье любили говорить, что Аллан — главный чуда-дак из всех чудаков. В пять лет он запросто мог километра два-три идти за незнакомой собакой на улице и только потом сообразить, что заблудился. А в десять завел отвратительную коллекцию обрезков ногтей и не стеснялся отправлять письма разным знаменитостям с просьбой ему эти самые обрезки присылать. Ужаснее всего было то, что некоторые ему в самом деле отвечали: один теннисист, одна рок-певица, один телеведущий... Бесценные реликвии отец Сэма хранил в красном альбоме — он до сих пор лежал у бабушки на чердаке. На каждой странице — прозрачный пакетик с именем и датой и сопроводительная записка. Аллан потом несколько дней подряд сидел приклеившись к телеэкрану и силился разгадать, от которого из ногтей телеведущего был отрезан кусочек, теперь размещенный на странице его драгоценного альбома. Но если вы спросите мнение Сэма, лично он склонялся к мысли, что ноготь принадлежал какому-нибудь несчастному ассистенту звезды, обязанному отвечать на письма поклонников.

Только ведь отцу давно не десять... В его возрасте уже не коллекционируют ногти, не бегают за собаками и дают о себе знать, если исчезают из дома

на несколько дней. Хотя, если подумать, с тех пор как не стало матери Сэма, Аллан жил как будто бы немного в другом мире. Раньше он был таким веселым — никогда не прочь прокатиться на велосипеде или сыграть в *Burnout** на приставке, — а потом вдруг ушел в себя, как устрица в раковину, и не высовывается. Бабушка уверяла, что он просто очень грустит и что со временем ему полегчает. Но вот после автомобильной аварии прошло уже целых три года, и пора было признаться себе в том, что отцу, наоборот, с каждым днем становилось хуже. И бабушка это прекрасно понимала, ведь она сама в начале года убедила отца, что Сэму стоит пока пожить у нее. Отец пытался протестовать, но в итоге сдался. Может, так и в самом деле будет лучше, всё равно у него голова не на месте, чтобы заботиться о сыне. Сил хватает только на то, чтобы открывать свою книжную лавку два-три раза в неделю — да и то если бабушка его уговорит или кто-нибудь из верных клиентов станет донимать телефонными звонками. «Печаль», — говорила бабушка. «Слабохарактерность», — фыркала тетя Эвелин (мама Лили). «Глубокая депрессия», — констатировал врач.

* *Burnout* — серия видеоигр в жанре гонок.

Ну а десять дней назад Аллан исчез. Ему было свойственно вот так убежать, но обычно он отсутствовал не больше двух-трех дней. Прежде он возвращался обвешанный подарками и объяснял, что вынужден был срочно вылететь по делам в Соединенные Штаты, чтобы приобрести какое-то редчайшее издание, которое ему заказали. Бабушка снисходительно выслушивала объяснения, расцеловывала его в обе щеки, да и Сэм тоже был так рад видеть отца, что совсем не хотел набрасываться на него с упреками.

Вот только на этот раз Аллан что-то не спешил возвращаться. А сегодня, вдобавок ко всему, у Сэма день рождения. Разве мог отец, пусть он даже главный чудак из всех чудачков, забыть о дне рождения собственного сына?

Сэм выпрыгнул из автобуса перед зданием крытого катка. У остановки стоял продавец мороженого со своей тележкой, и солнце припекало так жарко, что в голове мелькнула мысль, не купить ли вафельный рожок. Но через десять минут начнется соревнование, на котором Сэма, весьма вероятно, будут нещадно подбрасывать в воздух, так что мысль о мороженом, видимо, была не самой удачной. Тем более что живот уже и без того как-то неприятно

подвывал — наверное, предугадывал битву с самыми здоровенными борцами спортклуба.

Сэмюел бросил скейт на тротуар и на полной скорости покатил вперед, объезжая прохожих, коляски и продуктовые сумки на колесиках. Ничто так не воодушевляет, как эти движущиеся препятствия, готовые в любую секунду отклониться в сторону и повизгивающие, когда их слегка задеваешь, проезжая мимо. Он раз или два чиркнул скейтом о бордюры, перелетел через цементную скамейку и приготовился брать поворот, ведущий к спортивному залу. Поворот был проще простого, Сэм проделывал его сто раз: справа — ворота сквера, потом небольшой спуск, чтобы как следует разогнаться, и дальше по перпендикулярной улице, с которой...

БАМ! Сильнейший удар, грохот сминаемого металла — и вот Сэм лежит на животе, и ощущение такое, как будто весь сквер свалился ему на голову. Наверное, налетел на мопед, или мусорный бак, или...

— Господи ты боже мой!

Сэм осторожно привстал. Выходит, мусорный бак ему попался говорящий...

— Господи ты боже мой! Да это же наш дохляк Фолкнер!

И к тому же мусорный бак, которому известна фамилия Сэма.

— Монк, не надо! — вдруг вмешался девичий голос.

Монк. То есть он взял и впечатался прямо в Монка!

Движимый инстинктом самосохранения, о существовании которого он только что узнал, Сэм перевернулся набок как раз в ту секунду, когда жирный Монк бросился на него, а какая-то девушка и другой парень вцепились ему в плечи.

— Монк, перестань! Монк!

— Я его порву! Порву!

Сэм резко выпрямился и в последний миг увернулся от удара, который распластал бы его по земле, как коврик. Кровь ударила в виски, но вроде бы пока обошлось без переломов.

Монк приготовился было ударить снова, но тут, к счастью, вмешались многочисленные зеваки, наблюдавшие эту сцену.

— Ну-ну, — остановил Монка высокий бородач в строгом костюме.

— Он это нарочно! — заорал Монк, размахивая кулаками. — Нарочно на меня налетел! Посмотрите, что он сделал!

Он указал на свою опрокинутую сумку, из которой высыпались металлические детали и печатные платы.

— Видали? — кричал он, обращаясь к господину с бородой. — Это всё бешеных денег стоит!

Пока Монк распинаялся, вращая глазами и колотя себя кулаком в грудь, к Сэму подошла Кэти, та девушка, которая пыталась остановить Монка.

— Всё в порядке? Кости целы?

Кэти была из клуба дзюдо Сент-Мэри. Ей было семнадцать или восемнадцать, и иногда она занималась административной работой младшей команды. Сэм не очень хорошо понимал, как эта симпатичная улыбчивая девушка может общаться с Монком.

— Я... Да нет, всё нормально, спасибо, — пробормотал он. — Опаздывал на соревнование, и...

— Соревнование? Тебе что, никто не сказал, что его перенесли?

Перенесли?!

— Я была уверена, что всех предупредили! Команда Фонтаны не смогла приехать, у них автобус позавчера сломался. Турнир перенесли на следующую субботу. Ты не прослушал сообщение на автоответчике?

— Нет! Хотя, может быть... Может, отец...

Сэм оборвал себя, не закончив фразы. Видимо, из клуба звонили в книжный магазин, потому что именно этот адрес указан в его карточке. Впрочем,

ему совсем не хотелось сейчас объяснять Кэти или кому-нибудь еще, что он временно живет у бабушки, что его отца давно нет дома, поэтому к телефону тот не подходит, а следовательно, у Сэма не было никакой возможности прослушать сообщение на автоответчике.

— ...наверное, отец забыл... — проговорил он сквозь зубы.

Кэти нагнулась и выдернула скейт, который, будто шпага, воткнулся в решетчатую ограду сквера.

— Вроде бы цел, — сказала она. — Уже кое-что. Всё могло бы закончиться куда хуже.

— ПУСТИТЕ, ГОВОРЮ! — орал Монк, до сих пор ничуть не успокоившийся. — Этот придурок сначала заплатит мне за детали, а потом...

Трое окруживших Монка прохожих еле-еле удерживали его на месте, и крошечные зеленые глазки на раскрасневшемся лице толстяка метали молнии.

— Тебе лучше исчезнуть, — шепнула Кэти, пихая доску Сэму под мышку. — Пока он не опомнился!

— А тебе он ничего не?..

— Ой, не беспокойся, у меня к нему есть подход. И к тому же еще не факт, что его платы испортились! Мы собирались проапгрейдить компьютеры в клубе. Монк круто в этом разбирается, так что...

Монк круто разбирается в компьютерах? Так у него что же, есть мозг?

Кэти продолжала улыбаться.

— Сейчас доберется до своих обожаемых системных блоков и напрочь про тебя забудет. Так что давай, катись, увидимся в субботу.

Она едва заметно махнула ему рукой, и Сэм поспешил убраться. И очень вовремя, потому что Монк разорался пуще прежнего:

— ФОЛКНЕР, УРОД! ЗАПЛАТИШЬ СВОИМИ ЗУБАМИ, ПОНЯЛ??

КАМЕНЬ

Книжная лавка Аллана Фолкнера находилась в одном из тех старых кварталов Сент-Мэри, которые последние тридцать или сорок лет всё явственнее приходили в упадок. Выбор крошечного викторианского домика в два этажа, с обшарпанными голубыми колоннами и выцветшими ставнями, втиснутого между двумя другими домами, еще более обветшалыми, объяснить было крайне трудно — тем более что все остальные уважающие себя торговцы давным-давно покинули улицу Барнбойм. Там обитало только несколько старичков — таких же ветхих, как фасады их домиков. Рано утром они, будто призраки, молча выходили из дверей, а к девяти утра уже возвращались с корзинками, наполненными продуктами, и торопливо расходились по домам, запирая за собой дверь на два оборота замка.

При таком положении дел совсем не казалось удивительным, что открытие книжной лавки не вызвало большого ажиотажа среди жителей улицы. В лучшем случае от них можно было услышать «здравствуйте» и «всего доброго», немного резких рассуждений о том, что посетитель (бывают же нахалы!), паркуясь рядом с лавкой, заехал машиной на тротуар, или о том, что Сэм, когда возвращается из школы, невыносимо скрежещет своим скейтом. Вот и всё. Один только дядя Макс, добрый глуховатый старик, живущий через три дома от лавки, иногда достаивал Аллана и Сэма беседой. Правда, беседы получались странные, потому что каждую фразу приходилось орать несколько раз ему в самое ухо, и это сильно усложняло общение.

Почему же отец выбрал для книжной лавки такой мрачный и всеми забытый уголок? «Чтобы отгородиться от шумного мира, — утверждала бабушка, — и укрыться от толпы». Когда Аллан продал их симпатичный дом в Бель-Эйре (слишком многое там напоминало Элайзу) и принялся подыскивать подходящее место для своей лавки, на самом деле он искал место для убежища. А жить в убежище — это не слишком весело, когда тебе тринадцать, почти четырнадцать, когда ты потерял мать и больше всего тебя привлекают торговые центры, искусственный свет, шум и скорость.

Сэм поднялся на крыльцо, оглядываясь по сторонам. Всё спокойно, нигде ни шороха. Он не был уверен, что поступил правильно, заявившись сюда. Может, надо было предупредить бабушку? Но, в конце концов, соревнование отменили, впереди целый свободный выходной, и к тому же у него сегодня день рождения. Что плохого в том, чтобы забежать к себе домой? Ведь это всё еще его дом, правильно? Забрать кое-какие диски, покопаться в старом хламе... «И заодно проверить, не вернулся ли случайно папа, — шепотом добавил внутренний голос. — Ну или, может, оставил какую-нибудь подсказку о том, куда уезжает». Дедушка, правда, на этой неделе уже два раза заглядывал в лавку, но кто знает?

Сэм повернул ключ в замке. Дверь со скрипом открылась, и вывеска «Антикварные книги Фолкнера» качнулась над головой.

— Папа?

Никто не отозвался. Сэм прошел через небольшую прихожую, миновал просторный зал, заставленный шкафами, плотно забитыми книгами, — совсем как в библиотеке. Кроме шкафов здесь были столы и стулья, чтобы можно было присесть и полистать книгу, а также два дивана, оборудованные галогенными лампами, — чтобы читать со всеми удобствами.

Большая часть денег, вырученных от продажи дома в Бель-Эйре, пошла на эти пожелтевшие страницы и кожаные переплеты. Но как отцу удалось собрать такое количество антикварных книг, оставалось не меньшей загадкой, чем то, как он ухитрился привлекать в магазин клиентов. Вполне вероятно, что дедушка и бабушка время от времени раскошеливались и помогали ему.

Сэм прошел на кухню. Всё было в идеальном порядке. Посудомоечная машина — пустая и, судя по чпоку, который издала дверца, когда он ее открыл, стояла закрытой уже много дней. Холодильник — почти пустой, если не считать просроченных йогуртов, пластмассовой упаковки сосисок (пластиковой, всегда поправляла бабушка) и двух бутылок пива. В последнее время здесь никто не пировал. Сэм поднялся на второй этаж и, когда вошел к себе в комнату, ничего не смог поделать с сердцем: оно екнуло. Постеры с Тони Хоуком и Вигго Мортенсенем на стенах, коллекция старинных машинок (это вам не обрезки ногтей!), его рисунки и гитара, оставшаяся с тех времен, когда он не очень успешно пытался научиться на ней играть. Впрочем, он пришел сюда не для того, чтобы оплакивать судьбу. Бросив в сумку два старых диска — будет чем оправдать свой